

## ЕСЛИ ПОВСТРЕЧАЕТЕ ЗОЛОТО...

Девятнадцатилетняя Настя жила в небольшой избе в два окна. Жильё ей выделили после интерната соцработники в небольшом северном посёлке возле золотоносной реки. Конечно, Насте была положена квартира, но давать благоустроенное жильё одинокой, забитой и юридически неграмотной девушке никто не собирался. В соцзащите лукаво улыбнулись и выдали детдомовке бумагу на этот дом. Сказали разыскать главу местного поселения. Настя нашла его, он провёл девушку по всему посёлку. У одиноко стоявшего на окраине дома нарочито театрально открыл дверь, протянул ей ключи и весело крикнул:

– Владей, всё твоё!

Насте показалось, что глава был немного пьян. Она в первую ночь хорошо натопила печь, на ужин обошлась пачкой «роллтона» и банкой килек в томате. Но всё равно в новом жильё было сыро, прохладно, и всё вокруг казалось чужим. В доме громко скрипели облупленные половицы, Настя понимала, что дело плохо, если лаги под полом стали двигаться, то домишко долго не простоит.

Тогда у Насти был парень, Виктор, но ехать в посёлок, пусть из небольшого районного города, он не захотел, и девушка осталась одна. Она всю ночь не могла уснуть, смотрела в окно и, дыша на холодные стекла, писала его имя. Настя осторожно мечтала, мечты были просты – спать каждый день на чистых простынях, чтобы их стирал кто-то другой, гладил и стелил, но только не она. И пусть будет волшебный шкафчик, в который кто-то неведомый станет складывать стиранные и глаженные носки, трусы, футболки для Насти. И печку пусть топит тоже кто-то другой. Пусть он пилит и колет вечно сырые дрова. Впрочем, она понимала, что строить с ним будущее было невозможно, Виктор был молодым, отчаянным, матёрым

вором, на память он оставил Насте охотничий карабин «Сайга». Их общение окончательно закончилось, когда он упросил Настю поучаствовать в гоп-стопе.

В посёлок приехали богатые охотники-москвичи. Насте нужно было только попасть на их гулянку и вовремя открыть дверь Виктору и его местной шпане, что затаились в соседнем доме. Столичные гости были лощёные по-городскому, сладкие до ужаса, при деньгах, у всех ногти на руках холёные и чистые. Настю они сами позвали в гости, увидев на улице. В доме стоял уже дым коромыслом, богатая закуска. К Насте тут же подсел здоровый пожилой пьяный мужик, кожа на его красном лице была бугристой, похожей на фрикадельку. «Фрикаделька» всё пытался Настю тискать, шепча в ухо липкими, толстыми губами: «Пошли ко мне. У меня тут комната есть свободная», – а девушка пьяно смеялась, запрокинув голову: «Погоди! Давай выпьем ещё, а потом уже пойдём». Он кивал в ответ, а у самого глазёнки искрились от нетерпения.

Настя смотрела на него и думала: «Дурак! На тебя сейчас нож точат в соседнем доме, а ты размышляешь о моих сиськах!» Затем она сделала вид, что идёт в туалет, а сама юркнула в коридор и открыла замки входной двери. Приятели-разбойники мигом влетели в дом и поставили всю компанию под ружья и ножи. Москвичи отдали всё, что было, и ранним утром исчезли из посёлка. Тогда Виктор и подарил Насте за удачный гоп-стоп карабин «Сайга». А может, просто хотел избавиться от улики и отвести от себя подозрение, но больше Настя его не видела.

Удивительно, но в милицию москвичи так и не обратились. Глава администрации ещё несколько раз заходил к ней, спрашивал, как устроилась, приносил чай и сахар. Один раз они даже сыграли в карты, Настя заметила, что у него длинные и тонкие нервные пальцы, они дрожали, когда он держал в руках помятую колоду. Потом он куда-то пропал, уехал, а главой поселения стала подозрительная, тихая пенсионерка, которая практически не выходила из дома.

Настя, оставаясь в своем неуютном доме, часто всматривалась в чужие ночные окна, пытаясь представить, что там, за шторами. Ей казалось, что там другая, интересная, беззаботная жизнь, и всё чаще она вспоминала своё такое же неуютное детдомовское детство, при живых, пьющих родителей, взрослых братьях и сёстрах, которых судьба близких людей

почему-то совершенно не интересовала. Деревянный, старый, обшарпанный одноэтажный детский дом, где стойко пахло кухней и половой тряпкой. Старая мебель, старая одежда, старые неуклюжие игрушки. Кормили одним и тем же: суп, тошнотворное, ссохшееся гороховое пюре, слипшиеся макароны, синюшные варёные яйца, серое пюре из подмороженной картошки, кисель с чёрным хлебом. Съедали всё до крошки, а хлебом набивали карманы.

А ещё они хорошо умели врать, сваливать всю вину на другого. Они словно ждали, чтобы ты споткнулся, чтобы наябедничать: мол, посмотрите – я хороший, а он плохой. До поры до времени Настя верила в чудо: что вот откроется дверь, войдет воспитательница и скажет: «За тобой пришла мама». Настя любила мечтать об этом моменте, пока не поняла, что всё впустую. Однажды, когда Настя была в шестом классе, удочерили девочку Веру, с которой она дружила. Втайне от всех Настя месяц ночами ревела в подушку. Она всё понимала, но от этого ещё больше душила бессильная обида.

День в детском доме начинался с линейки, на которой директор говорил одну и ту же фразу: «Запомните, вы – никто, и вы не нужны никому. У вас нет прав, у вас одни обязанности».

Настя слушала его совсем не по-детски и уже тогда понимала, что жизнь – странная вещь. Её текучесть подобна реке. Посёлок был буквально умирающий, некогда богатого сырьевого района. Промышленная выработка золота закончилась ещё лет двадцать назад, но в отвалах, которые находятся на реке прямо за огородами, ещё можно намыть приличное количество драгоценного металла. Участок реки давно негласно поделён между местными жителями, нравы сибирские суровые, появится чужак золото мыть, то и предупреждать не будут, сразу берутся за ствол. Местный участковый на реку даже носа не суёт, понимает, что народу нужно как-то выживать. Золото закончилось, заканчивается и жизнь. Кто-то ещё работает на драге, кто-то хищничает, кто-то охотится, кто-то пьянствует. Добытое золото не пошло на пользу ни посёлку, ни району. Причём как при царях и коммунистах, так и при олигархах. Ни нормального жилья, ни дорог.

Чтобы не было скучно, Настя пустила жиличку – поселянку, бывшую воровку на доверии Светлану, она отбывала теперь уже на полувольных хлебах трёхлетний срок. Дом был старый. Печка вела себя скверно, её приходилось зимой всё время

подтапливать. Подруги пытались её отремонтировать, но ума и умения так и не хватило. А печка, будто живое существо, казалось, издевалась над ними, заунывно шумела и требовала больше дров. Они понимали, даже по звукам, что есть трещина на чердаке между жестяными коленами, тепло предательски уходит. Не только уходит, но может и убить. Однажды, в морозную ночь, изрядно намучившись с печкой, да и хорошо выпив, подруги решили пораньше закрыть заслонку на трубе и уснули. Если бы не собака Найда, которую от мороза пустили ночевать в дом, скорее всего Настю и Свету нашли бы утром мёртвыми. Собака настойчиво будила девчонок, лаяла, покусывала и всё же заставила подняться. Настя с тяжёлой головой сразу поняла, что происходит, еле дошла до двери в сени и, широко распахнув её, практически в бессознательном состоянии осела на пороге, глотая живительный морозный воздух.

Собаку, породистую немецкую овчарку, Настя случайно выиграла в карты у солдат в тюремном питомнике. Тогда на кону было много чего, играли долго. Солдаты кинули на кон сотовые телефоны, ноутбук, деньги. Настя кинула весь золотой песок, который намыла за полгода. Карта у неё была хорошая, но и тюремные солдаты улыбались. Настя предложила кинуть им на кон щенка овчарки, она знала, что в питомнике недавно оценилась молодая сука. Но солдаты тупо мотали отрицательно головами, дескать, их за такого щенка под суд отправят. Насте давно хотелось породистую овчарку. И она неожиданно поставила себя на час против щенка. Господи! Как она тогда боялась! Один только бородатый мужик на небе был в курсе, как она испугалась своего голоса, когда это предложила солдатам. Солдаты смотрели на Настю страшно, гадливо улыбаясь...

Карты вскрыли, солдаты всё проиграли. Найда была забавной и крошечной, Настя долго спала ней в одной койке. Беспросветность жизни Настя полностью ощутила, когда заболела и поехала в районную больницу на приём к врачу. Она шла по улице и ощущала чужие холодные взгляды на своей старенькой фуфайке, потёртых спортивных брюках, неуклюже подшитых валенках. Ей казалось, что во всяком встречном взгляде она видит только одно: «Нищая!» Она словно сама себе говорила: «Не делайте мне больно, не селите в моём сердце злобу и гнев. И самое главное – не селите в моём сердце

зависть! Я ведь завидую вам». Несколько рецептов, которые ей выписал молодой симпатичный терапевт, она тут же смяла и выбросила в снег, выходя из больницы. Денег на лекарства у неё не было. От этого и от общения с красивым врачом, который ей показался человеком из другого мира, ей ещё больше не хотелось жить.

В райцентре она зашла только к своему бывшему однокласснику по интернату. Как оказалось, этот бывший детдомовец неплохо в жизни устроился. Насте он никогда не нравился. Нос у него был большой и широкий, как у китайского заварного чайника. Чалдонские глаза-ириски, вечно бегающие в поисках то ли жертвы, то ли наживы, постоянная испарина на лбу, даже в лютые морозы. Занимался он тем, что мотался по деревням и скупал у старух иконы. Пару раз сидел за мошенничеством. Зековская погремушка у него была интересная – Комиссар.

Продрогшей Насте он даже не предложил стакан чаю, а сразу стал хвастливо показывать добытые иконы. «Досочек» этих у него было видимо-невидимо! С почерневших от времени «досочек» укоризненно на Настю и Комиссара смотрели лики святых. Уходя от него на автобусную станцию и после, смотря из окна «пазика» на разбитую дорогу, Настя всё вспоминала его алчные слова:

– Настя, прикинь, Богоматерь – триста! Иисус с разбойниками – пятьсот! Цены в долларах! Только доллары!

С подругой они часто выпивали, скорее от безысходного времяпровождения, заквашивали из таёжных ягод кислую брагу. С тяжёлого похмелья, с пустого желудка, Настю часто рвало, а похмельные сны были вовсе кошмарные. Часто снился волосатый, рыжий чёрт. Он скакал по комнате, цокая гнилыми копытцами и мерзко потирая руки приговаривал: – «Нет больше конфет! Закончились конфеты!»

В полусне Настя не могла дождаться, когда он отстанет со своими дурацкими конфетами, спрашивала сама у себя, шевеля пересохшими губами: «Какие ещё конфеты? Почему они у него кончились?!» Проснулась она под утро от слабости и стыда. Ночью со Светланой они выпили всю кастрюлю браги и подрались. Но больше Настя ничего не помнила. В доме на полу куча стреляных гильз от карабина «Сайга», у Светланы порвано веко и пороховой ожог на плече. Одно окно разбито и заткнуто Настинной подушкой. У неё был только один немой вопрос: «Почему именно моей?» Светлана ничего не помнила,

а «Сайга» с разряженным магазином стояла у печки. В голове только и вертелось: «Калибр 7.62». Настя и карабин долго смотрели друг на друга, и ей казалось, что «Сайга» её когда-то точно переглядит.

Иногда к подругам заходил сосед-пенсионер. В этот раз он появился на пороге со словами:

– Увидел подушку вместо окна у вас и решил зайти, мало ли чего...

Дед живёт один, бабка у него умерла давно, дети с внуками в Красноярске. Настю всё время удивляло, почему дед такой старый, а зубы здоровые, пусть и жёлтые. А дед ощерил рот сквозь седую бороду:

– Пьёте сильно, девки. Завязывайте, зачем из ружья палили, небось, весь посёлок растревожили!

Настя, не вылезая из-под одеяла, лениво ответила ему:

– Дед, угомонись! Жизни не учи. Супчика похлебаешь?

В доме уже действительно пахло супом, у печки виновато суетилась с помятым лицом и копной рыжих волос Света. Она варила хороший суп, даже с похмелья. Дед согласился поесть, с удовольствием хлебал суп и всё разговаривал. Дед всю жизнь прожил здесь, лет сорок работал на драге, золото мыл. Пару раз сидел за что-то, но не очень страшное, за что, Настя точно не знала. После супа дед сходил за стеклом и стекло-резом и поставил стекло. Наконец подушку из окна вытащили. Дед принёс бутылку водки, вина, конфет и полтора десятка яиц. Настя с удовольствием смотрела на конфеты, вспоминала ночного чёрта, дескать, не зря нечистый конфетами до-нимал. Яйца подруги не видели несколько месяцев. Наелись впрок, Настя знала, что Света любит, когда желток с белком перемешан, а она предпочитала наоборот. Любила целый желток собирать булкой, ела жадно, чувствуя себя змеей, которая заползла в птичье гнездо.

В этот раз случился у них целый «дедовский» вечер. Слушали музыку, ища в ноутбуке ту, что хотел дед. Старик первый раз видел ноутбук, очень удивлялся:

– Что это у тебя, говорящая книжица?

– Это окно в мир, – в один голос хохотали Настя и Света. Смешной дед. Напился, разговорился. Настя смотрела на него и думала: «Дед! Не умирай только, поживи ещё немного». А он всё слушал ролики и приговаривал:

– Эх, девки! Профукали мы страну! Сами пожили, а вам и не досталось ни хрена!

На этом старик неожиданно заплакал. Света укорила его:

– Дед! Ты что же это, пришёл к нам сырость разводить?!

В ответ старик только беззлобно огрызнулся на неё:

– Рот закрой! Бикса непоротая!

С этими словами он уснул прямо на стуле. А подружки ещё долго хохотали над его словами, допивая крепкий вермут.

Переписываясь по интернету с разными людьми, Настя неожиданно получила посылку из Ростова. Доброжелатель прислал куртку и лыжи. Настя и радовалась, и негодовала, даже в порыве написала: «Мужик из Ростова! Обращаюсь к тебе, чертовски спасибо за куртку и лыжи. И как ты догадался, что именно широкие лыжи нужны. Не суть! Короче, больше ничего не нужно присылать. Мы куртку вертели и поняли, что стоит она дорого. Отблагодарить тебя нечем. Это раз! Второе, я ничего не просила. В общем, если ещё раз придёт с почты извещение о посылке, то я туда не пойду. Ничего не нужно!»

Однако, немного подумав, поняла, что иногда люди просто хотят помочь, без унижения и благодарности. И добавила в личку: «Спасибо за куртку! Целую тебя, куртка и задницу прикрывает от холода и ветра, и под грудь правильно сделана». Первого января девчонки не смогли усидеть дома. Всё же праздник проходит... Выпросили утром у деда немного денег в долг и пошли на лыжах в соседний посёлок. В полдень уже были там. Света на старых лыжах, а Настя опробовала новые и поняла, что они очень хороши.

В соседнем посёлке у Насти была знакомая по интернату Нина Ершова. У неё всегда быть весело. Два года назад она уезжала в город, но вернулась со шрамом на губе и порванными мочками ушей. Стало быть, поиски девичьего счастья в большом городе не получились. За столом посидели аккуратно и к ночи вернулись домой. Самое скверное, что работы никакой у Насти и Светы не было. Добрую половину населения посёлка составляли расконвоированные, будто государство пыталось сбросить с себя этот ушлый народ, ведь зэков нужно было кормить, а чтобы иметь какие-то наличные деньги, все мыли втихаря золото. Добыча золота ведётся в основном на площади, загромождённой прежними отвалами, то есть под слежавшимися 45 кучами гравия, песка и глины. На этих

бывших, ещё с советских времён, отвалах ещё много металла, он залегает до самого верховья реки.

Настя восхищалась золотом, оно было для неё доступным и одновременно недоступным металлом. Насте казалось, что золото умеет разговаривать. Золото любит труд, ежедневный, с утра и до вечера. Потаскай вёдра с породой да помаша кайлом и лопатой, помой лотком в ледяной воде и поймёшь, что золото стоит намного больше тех бумажек, на которые его меняют. Настя вываливает серую глиняную массу вместе с галькой в решето с большими отверстиями, вставленное в ёмкость. Она тщательно просеивает грунт, руками промывает гальку в воде над решетом и откидывает крупные куски породы. Начинается длительный процесс вымывания породы в шайке, затем в деревянном лотке, почему-то сделанном из кедра и формой напоминающим лодочку. Мыть драгоценный металл любит она одна на реке. Порой смертельно уставшая, от холодной воды ноют ноги и руки, но стоило ей посмотреть на намывное золото – и всё казалось прекрасным. Хотя в голове не осталось никаких мыслей – лишь монотонное чавканье грязи под ногами и гудение мошки. Она только шептала золоту: «Прелесть! Ты теперь моё», – но тут же холодный пот пробирал её до нижнего белья.

Намытое золото приходилось отдавать вездесущим скупщикам-азербайджанцам практически за бесценок. Да никто золото постороннему и не продаст: для чёрных старателей такая коммерческая самостоятельность чревата серьёзными проблемами, порой жизнью. Каждый золотодобытчик «закреплён» за определённым скупщиком, как крепостной за баринном. Только недавно она осознала, что нет ни у неё, ни у подруги ни одного кольца или серёжек из золота. Но с намывным тяжким трудом драгоценным металлом она расставалась по особому, словно провожала его в новую жизнь. Перед тем, как продать его перекупщикам, шептала про себя: «Милое, дорогое золото, отомсти там за меня, наделай богатым плохого и злого, да и про кровь не забудь». И казалось ей, что золото отвечает тихим, мерцающим голосом: «Не вопрос, Настя! Это я умею. И зла наворочу, а уж кровью точно перемажу, обещаю!» Настя точно знала, что отправляет своё золото в кровавое путешествие, после перекупщиков оно уходит всё дальше и дальше, дескать, такой привет передайте от меня, если золото повстречаете...



# ГОВОРУНЧИК

У Тамары Дворецкой было два высших образования – педагогическое и инженерное, а трудилась она в колхозе простой дояркой. В прошлом, жительница Санкт-Петербурга, вдова начальника райотдела милиции, во времена перестройки потеряла работу технолога на текстильной фабрике и решила вернуться в родную деревню, в доставшийся ей по наследству родительский дом. Двухкомнатную квартиру, практически в самом центре северной столицы, в пяти минутах ходьбы от знаменитого Невского проспекта, она оставила повзрослевшему сыну, который обзавёлся семьёй и пошёл по стопам отца, став офицером угрозыска.

Обустроивалась Дворецкая в родных местах очень не просто, даже пожалела, что вернулась. Знания в области текстильной промышленности в дышащем на ладан колхозе ельцинских времён, оказались никому не нужны, не нашлось ей работы и в местной школе, начальники от народного образования указали ей на отсутствие педагогического стажа и полной не востребованности её педагогического диплома – французского языка. Имела право она преподавать ещё и немецкий, но эти часы в школе были заняты, да и если говорить честно – Дворецкая давно забыла не только немецкий, но и основной свой язык по – вузовскому диплому – французский. Тамара Алексеевна и сама это прекрасно понимала, ибо владение иностранным языком требует постоянной практики. В итоге, приведя в порядок родительский дом, Дворецкая решила на жизнь не роптать, а пойти работать дояркой. Сын писал и звонил очень редко, но регулярно присылал небольшие денежные переводы. Тамара на него обижалась, но только на словах, в разговорах с подругами, а в душе обиды не было. Она понимала, какая у сына тяжёлая работа – преступников милиция ловит без праздников и выходных. Она хорошо помнила, как на этой работе, буквально в сорок лет «сгорел» её бывший муж. Он умер от сердечного приступа прямо за рабочим столом. Дворецкая очень переживала, что сын после армии пошёл работать в милицию, всячески отговаривала его, убеждая, что ему – золотому медалисту прямая дорога в любой ВУЗ, однако сын твёрдо сказал, что хочет пойти по стопам отца и начал свою карьеру в милиции сержантом ППС. Затем заочно окончил юридический и перевёлся в угрозыск.

После переезда в деревню, через некоторое время, в жизни Дворецкой появился мужчина. С Николаем Кузнецовым, или как его звали по-деревенски – Колька Кузенья, она сидела ещё в детстве за школьной партой. После школы Колька даже сватался к Тамаре, а когда она поступила в пединститут в Ленинграде, Кузенья уехал вслед за ней, поступил учиться в строительный техникум, но буквально через месяц попал в этом огромном городе в нехорошую историю. Он возвращался с учёбы в общежитие, и в трамвае на ногу Кузене наступила женщина острым каблуком. Боль была такая, что у Кольки вырвалось нецензурное слово, а поскольку Коля был ещё и не совсем трезвым – выпил две кружки пива с приятелями-студентами, то донельзя оскорблённая гражданка сдала Кузенью в милицию. Кольку осудили на год за хулиганство, наказание назначили условное, но исключили из техникума. Эта история окончательно расстроила их отношения с Тамарой, ибо она не хотела, выходить замуж за пьяного хулигана, и Кузенья с позором вернулся в родные места.

Семью он так и не устроил, работал трактористом и жил с родителями, пока они не умерли. Впрочем, жил он неплохо. Отец Кузени всю жизнь работал завхозом, и родительский дом для Кольки был полной чашей. В четырнадцать лет Колька выпросил у родителей двухскоростной мопед и японскую магнитолу, о чём, конечно, не могли даже мечтать другие деревенские дети. В шестнадцать лет Кузене купили великолепный, чешский мотоцикл «Ява». Колька к этому возрасту уже потягивал спиртное и дорогой мотоцикл умудрился разбить через несколько месяцев. Дело было поздней осенью, Колька в модной белой дублёнке выехал на ярко-красной «Яве» со двора, набрал приличную скорость, но плохо управляемый на мокром асфальте мотоцикл понесло прямо на придорожный бетонный столб. К счастью, сам Кузенья о столб не ударился, улетел в кусты, а вот мотоцикл буквально переломился на раме, и он обгорел от вспыхнувшего бензобака. Но несмотря на это, родители продолжали баловать единственного сына и на восемнадцатилетие уже подарили сыну «Запорожец». Автомобиль продержался у Кузени два года. Как-то Колька поехал с приятелями на ночную рыбалку. Когда они наловили сетью два мешка рыбы и стали варить уху на костре, при этом, конечно, продолжая выпивать, «Запорожец» прямо на глазах всей честной компании скатился с обрыва и, перевернувшись

на крышу, исчез в реке. Кузенья просто забыл поставить машину на ручной тормоз. Но больше родители Кольке никакую технику не покупали, хотя он ещё несколько лет после этого просил мотоцикл с коляской.

Когда родители умерли, Кузенья пропил всё, что было ими нажито за многие годы, вплоть до постельного белья и посуды. Ел и пил из одноразовых пластмассовых стаканов и таких же коробок от китайской лапши, спал на диване прямо в одежде. Трактористом он уже не работал, попал в глупое ДТП. Угораздило приехать в район какого-то крупного столичного чиновника, лимузин знатного гостя буквально въехал под Колькин трактор. Кузенья в этот день отправился за соляжкой в райцентр и дорожную аварию описывал приятелям так:

– Еду я, мужики, по дороге спокойно, погода отличная, еду и песни пою, уже и заправка показалась на въезде в райцентр, как вдруг, чую, моя задница сама по себе вверх поднимается, колёса трактора тоже вверх пошли, а морда моя, сама по себе плавно на руль ложится.

– Неужели ты даже удара не почувствовал? – недоумевая, переспрашивали его мужики, – Быть такого не может!

– Ей Богу, – крестился Колька, – когда меня этот лимузин сзади догнал и под мой трактор ушёл, никакого удара я не ощутил, – только началась с моим телом какая-то цирковая акробатика!

Возможно, Кузенья и не был виновником ДТП, но за руль трактора он сел нетрезвым, а приехавшие на место аварии гаишники сильно Кольку прессовали:

– Ты почему, сукин сын, не пропустил машину с флажковыми номерами?!

Разумеется, о существовании блатных «флажковых» номеров Колька ничего не знал, хорошо, что в начальственном лимузине никто не пострадал, но Кузенья получил в жизни ещё один условный срок и лишился водительских прав. Восстанавливать он их так и не стал, устроился работать на лесопилку.

Когда Тамара приехала в деревню, Кузенья появился у её дома в тот же вечер. Коля с трудом сидел на стареньком велосипеде – пьяный, грязный, и, постучав в веранду, закричал:

– Тамарка, дай сто рублей!

– Хоть бы поздоровался, – осекла его Дворецкая. – Столько лет не виделись и на тебе, дай сто рублей, – передразнила его Тамара.

– Ну, хоть пятьдесят дай, – сделал жалобную физиономию Кузенья, – не похмельюсь, точно помру!

– Не дам, – твёрдо отрезала Тамара, – и занимать на выпивку лучше не заходи!

Кузенья уехал, но через полчаса вернулся с бутылкой, Тамара смотрела из окна, как Колька осушил её прямо из горлышка. Но в дом Кузенья ломиться не стал, охмелев, грузно присел на порог дома и тут же уснул до утра.

На рассвете он ещё раз постучался к Тамаре:

– Тамарка, – сказал Кузенья, протягивая невыспавшейся Дворецкой новые зелёные, резиновые мужские сапоги, – купи у меня сапоги, хотя бы за полтинник?!

– Ладно, – немного подумав, сказала Тамара и отдала Кузенья пятьдесят рублей.

Но вечером она заглянула в Колькину избу и поставила сапоги у порога:

– Отдаю назад, – строго сказала Дворецкая, – но с условием, что ты их не продашь, дурень, в чём ходить будешь?

Колька грустно посмотрел на свои грязные, уже разбитые арtritом ноги и виновато ответил:

– Обещаю, не продам.

Кузенья сдержал своё слово, стал приходить в гости к Тамаре трезвым. Однажды Коля зашёл к Тамаре после бани, неожиданно принёс бутылку молдавского коньяка, и они допоздна засиделись за ужином. Вспоминали детство и юность. Тамара заметила, что Колька может вовсе не материться, а нормально разговаривать. Растрогавшаяся от нахлынувших чувств женщина оставила его на ночь. А утром Кузенья предложил Тамаре стать его женой.

Тамара засмеялась, но немного подумав, недоверчиво ответила:

– Официально оформлять отношения, конечно я с тобой не буду. Зачем мне муж-алкоголик? Но мужик в доме нужен. Хочешь, приходи и живи, но только по моим порядкам, а если, что не так, сразу выставлю за дверь!

Неожиданная семейная жизнь Коли и Тамары постепенно налаживалась. Дворецкая придела Кузенью в одежду, оставшуюся от покойного мужа – милиционера. Коля стал ходить в чистых рубашках, костюмах и хорошей кожаной обуви. Ничто в нём теперь не выдавало бывшего, опустившегося алкоголика. Пить он не бросил, но от страха перед Тамарой вдруг

обнаружил, что пить он может меньше, а главное – способен вовремя остановиться и не тянуть руку к лишнему стакану.

В колхозе зарплату задерживали, бывало, и полгода, но с доярками председатель расплачивался продуктами, работая по бартеру с местным молокозаводом. Тамара приносила с работы молоко, огромные головки сыра, упаковки сливочного масла. За колхозное зерно председатель выменивал муку, крупы, сахар. Так что еда в доме была всегда. Коля и Тамара брали каждый год на откорм телят. Мясо было столько, что фарш на котлеты крутили в большой эмалированный белёвой таз. На лесопилке Кузене хозяин-армянин давал ежедневно за трудодень наличными триста-четырееста рублей. Эти деньги шли на спиртное. Тамара тоже стала выпивать, но умеренно, исходя из некоего соображения, чтобы Коле меньше доставалось. Любви между ними никакой уже не было. Они просто были нужны друг другу. Кузенья нуждался в женском обиходе, а Тамара в мужской помощи по дому. Коля копал огород, его поливал, рубил в лесу дрова и колол их на зиму. В отличие от прочих деревенских мужиков руку на Тамару никогда не поднимал. Да и вряд ли у него это бы и получилось. У Дворецкой была крепкая кость, все женщины в их породе были коренастыми и сильными, даже несколько мужиковатыми и в обиду себя никогда не давали.

Особенно это проявилось в младшей сестре Тамары – Ольге. Она тоже, по примеру сестры, уехала после школы, но не в Ленинград, а в Воронеж, поступила в медучилище на фармацевта. Однако проучилась всего год и неожиданно для всех вышла замуж за аспиранта-англичанина. Он уже окончил учёбу, молодые сразу уехали в Лондон. А чуть позже сестра написала Тамаре несколько удивительных писем о своей новой жизни. Муж-англичанин, оказался совсем никудышным, он был потомок шотландских аристократов, которые в своей жизни не работали, наверное, уже лет пятьсот! Русской жене пришлось буквально кормить английского мужа. Хорошо, что ещё не было у них проблем с жильём, мужу от родителей досталась небольшая двухкомнатная квартира в пригороде Лондона – Гринвиче.

В чужой стране Ольга не нашла никакой достойной работы, кроме как выступать на женских боксёрских поединках в лондонских пабах. Вначале ей платили всего пять фунтов за бой. Но, от поединка к поединку, слава её в Лондоне росла.

Коренастая и крепко сбитая Ольга, не обладая боевой техникой, своими крестьянскими кулаками легко опрокидывала хорошо тренированных и знающих толк в боксе холёных, рослых англичанок. Британки от её мощных апперкотов легко валялись на кафельный пол пивбара, под неуёмные восторги нетрезвых английских мужиков. Скоро русской боксёрше стали платить по целой сотне фунтов за один бой. Дальше и во все пошли дела удивительные – через несколько лет, освоив английский язык, Ольга поступила в знаменитую лондонскую Высшую школу экономики, а успешно окончив её, устроилась брокером в один из известных аукционных домов Лондона.

Но вот в деревенской жизни Дворецкой произошёл очередной перелом. Тамара всё чаще задерживалась на ферме. Особенно она любила проводить время с телятами. Телятник – самое тёплое, чистое и сухое место на ферме. Здесь содержатся телята от рождения до трёх месяцев. Дворецкой нравилось, как их любопытные мордашки выглядывают из клеток и дружно мычат, завидев её знакомую фигуру. Про себя Тамара думала: «Это очень хорошо, значит, телята здоровы и уже проголодались». Она знала, что телёнок, как и маленький ребёнок, любит заботу и ласку. Особенно ей приглянулся чёрный телёнок с большими глазами, который больше всех радовался её приходу, ластился в подол своим крутым лбом, смотрел на неё фиалковыми глазами и всё время нежно мычал. Она так и прозвала его – Говорунчик. Вскоре Говорунчик превратился во взрослого быка, но Дворецкая любила крупное, сильное, холёное животное ещё больше. Ей казалось, что сокрыта в этом особенном быке необычная мужская сила и нежность, чего ей всю жизнь не хватало от своих мужей.

Тамара уже приходила по утрам к быку и обязательно давала животному охапку самого свежего сена.

– Узнал ли ты меня, Говорунчик? – ласково спрашивала она и обнимала тяжёлую, шёлковую бычью морду. – Любишь ли ты меня, Говорунчик?

А бык в ответ преданно смотрел Тамаре прямо в глаза.

Но благоволил Говорунчик только Тамаре. Нрава бык рос крутого, и его стали побаиваться на ферме. Он бодал неосторожных баранов, бодал коней и даже задирали брехливых деревенских собак. Ходит за ними по деревне, мычит и ногами роет землю.

В одно из воскресений, когда приехала автолавка, бык убежал с фермы и неожиданно появился в толпе покупателей. Настроен был Говорунчик мирно, Тамара хвасталась деревенским бабам дружбой с быком и кормила его у автолавки, только что купленным печеньем. В этот момент к Дворецкой подошёл Кузенья и стал просить купить ему баклажку пива. День был жаркий.

Неожиданно бык ударил подошедшего к Тамаре Кузенью рогами в живот. Стало быть, приревновал. Кузенья только ойкнул и тут же захрипел, а Говорунчик уже катил его рогами по пыльной дороге. Самое удивительное, что никто не испугался, бабы и мужики с воплями лупили Говорунчика кулаками и ногами, быстро отогнали, окровавленного Кузенью подняли с земли и на этой же автолавке повезли в районную больницу.

Умер Колька на больничной койке. Быка закололи на следующий день. После похорон Кузени Дворецкая написала письмо сестре, поведав эту трагическую историю с быком и убитым сожителем. Ответ пришёл через месяц и неожиданный, сестра позвала её жить в Англию и просила выслать номер пластиковой карточки, на которую она переведёт ей деньги на дорогу.

Думала Дворецкая недолго, и собиралась недолго. Конечно, никакой пластиковой карточки у неё не было, но сестре она об этом сообщить постеснялась. Деньги же на дорогу нашла – продала по дешёвке дом переселенцам из Казахстана. Уехала она тихо, ни с кем не простившись.

## КНИЖНЫЕ ЛЮДИ

После окончания культурно-просветительного училища Аня получила распределение на работу в большое село Подгорное. Она стояло в девяти километрах от райцентра. Комнату ей пообещали снять у сельской пенсионерки. Рейсовый автобус сломался на середине пути, и Ане, единственной пассажирке, пришлось зимней ночью идти больше часа пешком. Ей даже показалось, что на пустынной дороге, огороженной деревянными снегозащитными щитами, она видела волка. В темноте из придорожных кустов горели два внимательных глаза. Она шла и боялась обернуться. Так и вошла она в тёмное село, нужный дом спросила у стоявшей у колонки женщины:

– Это вам к Елизавете Дымовой, – опустила оцинкованное ведро закутанная в тёплый платок селянка, – вот тот дом, из красного кирпича возле склада, видите, окно горит?

Аня благодарно кивнула и пошла на слабый огонёк за красной занавеской. Дом у пенсионерки Дымовой был небольшой, кирпичный, в одно окно, с пристроенным двором из самана. Весь двор был заполнен жёлтыми и оранжевыми тыквами, часть из них уже успела подгнить. Старушка Елизавета встретила Аню приветливо, быстро оценив, что новая библиотечка сильно продрогла.

– Автобус сломался, – виновато сказала Аня, – я полдороги пешком шла. Мне кажется, я волка видела, сильно испугалась.

– У нас такое бывает, – кивнула пенсионерка, – ты полезайка на печь, там тепло, а я щи тебе разогрею.

Аня молча и с благодарностью влезла прямо в пальто на полати. Они пахли старыми валенками, шиповником и сухой глиной. Уже через полчаса она согрелась, а бабка Елизавета разогрела щи на электрической плите.

Она подала Ане щи прямо в помятой алюминиевой кастрюле, нарезав несколько пластиков сала и чёрного хлеба. Эта простая еда показалась Ане самой вкусной на свете. В это время бабка Елизавета, бурча себе под нос, перешла к разговору о личной жизни. На стене, в деревянной рамочке, висели старые, пожелтевшие семейные фотографии. Одна была самая крупная, с человеком в военной гимнастёрке:

– Вот я с Петром Фёдоровичем тридцать лет прожила, умер десять лет назад от воспаления лёгких. Шестерых детей родили, трое померли, а остальных жизнь по всей стране развела. Редко приезжают, внуков всего два раза видела. Мужа всю жизнь по имени и отчеству звала, не так как теперь у вас принято, в строгости жили, даже ни разу не поцеловались.

Аня от неожиданности поперхнулась щами:

– Как это так, шестерых детей сделали и не поцеловались?

– А что я, – хитро улыбнулась бабка Елизавета, – спать лягу, он сзади пристроится и что-то там ворочается себе, а я вид делаю, что сплю. Так дети и получались, без всяких ваших поцелуев!

Библиотечные дни были похожи один на другой. В натопленном большой металлической печью зале стоял резкий запах типографской краски, книг, газет, журналов. Молодая библиотечка Аня откровенно скучала целыми днями,



дожидаясь конца рабочего дня. Уже была прочитана вся периодика, а любимые книги, которые она перечитывала, вызывали теперь раздражение и равнодушие. Она часами смотрела на тихую сельскую улицу, на кладбище, примыкавшее к деревянному зданию библиотеки. Читателей не было. Изредка в библиотеке появлялся кто-то из школьников. Она до сих пор помнит своего первого читателя – смышлёного белобрысого подростка, как его почему-то боялась и непонятно почему рекомендовала четырнадцатилетнему мальчишке рассказы Борхеса. Он принёс книжку через день, разочарованно признавшись, «как скучно и куце пишет этот дядя».

Ученики просили книги из школьной программы, иногда забавно путая названия и авторов, не зная, что им вообще нужно. Или просили книжку про войну или приключенческую. Школьная программа её всё более настораживала, даже на привычные басни Крылова она стала смотреть с подозрением. Вот ведь пишет: «На ель ворона взгромоздятся». Сколько же должна весить такая ворона, чтобы «взгромоздиться»? А стихотворение Некрасова о медведе, которого смотритель принял за генерала? Употребил классик неуклюжее сравнение «Мохнатый седачок»? Один из юных читателей и вовсе рассмешил, попросив стихотворение Пушкина «Я помню жуткое мгновенье...» Иногда Аня делала обход по домам должников, книги возвращали в потрёпанном виде, были и с коричневыми следами от тарелки с супом. Библиотекарша только вздыхала и пеняла нерадивым читателям, предупреждала, что книги больше не даст, однако, покорно выдавала нужную литературу проштрафившимся читателям.

Путь к домам нескольких должников проходил прямо через кладбище, так было короче. По дороге Аня с интересом рассматривала припорошенные снегом, заросшие сухим бурьяном могилы, читала таблички с именами усопших. «Да здесь все библиографические данные!», – невольно осенила её лукавая мысль, она хорошо помнила, как пару дней назад в библиотеку наведальось районное начальство и требовало увеличить количество читателей, грозили урезать финансирование или вовсе библиотеку закрыть.

– Что я сделаю, если нет читателей, – робко оправдывалась Аня, – кто на селе книги читает, кроме школьников?

– Вы плохо работаете, – с непроницаемым лицом отвечал ей молодой чиновник в модной финской дублёнке, – ищите

индивидуальный подход к сельскому труженику. Объясните трактористу или доярке, что книга – источник знаний.

Библиотекарша слушала и покорно молчала, другой работы всё равно не было. Но выход из положения она нашла и весьма необычный.

Так Аня завела в библиотеке новые формуляры с фамилиями покойников. Вначале она боялась, что обман может вскрыться, но отчёты проходили нужные инстанции и на них никто не обращал внимание. Есть новые читатели и есть. Иногда она, осторожно проходя по кладбищу, останавливалась у могилы потустороннего абонента и весело спрашивала:

– Ну что, Валерий Иванович Карпенко, новый роман Донцовой понравился?

Ей казалось, что могильный холмик с колеблющимися на ветру останками проволочных венков глухо отвечает:

– Да разве можно это читать?

Однажды, к концу рабочего дня, сидя за столом в библиотеке Аня услышала, как тихо скрипнула входная дверь и раздалась шаркающие шаги. Она привычно не подняла глаз и спросила:

– Вам какая книга нужна? У нас есть новые поступления.

Через секунду Аня подняла глаза, но перед ней никого не было, только в открытую сквозняком дверь, как ей показалась, метнулась длинная тень. Но ведь шаги она явно слышала? Более того, на полу остались большие мокрые следы. Аня не испугалась. Она стала ждать, что будет дальше. Но ничего больше в этот день не происходило. От безделья Аня даже сама попробовала написать книгу, но смогла только вывести черной авторучкой на салатовой клеёнчатой обложке общей тетради название: «Село и люди».

– Какие люди? Какое село? – вслух невольно произнесла она, – мужики почти все спились и вымерли от суррогатного спирта, а бабы злые, молодёжь разбежалась...

За Аней несколько дней пытался ухаживать местный парень. Он возил в село баллоны с газом. Алексей был мешковат, хотя ему было всего двадцать пять лет. Он считался завидным женихом на селе, работает газовиком, зарплата для села большая и служебным грузовиком он пользовался, как личным. Начальство позволяло ему держать машину в заулке возле дома, Алексей ездил на ней в лес, на рыбалку, иногда калымил, была она и хорошим подспорьем в личном

хозяйстве. Некоторое время он пристрастился к спиртному, но его властная мать Полина быстро пресекла слабость сына, отобрав у него пластиковую карточку на которую начисляли зарплату. Он как-то пригласил Аню в местном клубе на танец, неуклюже обнимал, а после они смотрели польский фильм в этом же клубе, где, как ей показалось, Алексей смеялся в ненужных местах. Аня отчуждённо смотрела на его профиль в темноте зала и думала, зачем у него на таком большом лице такой маленький нос? От бабки Елизаветы она недавно слышала, что чем больше у мужчины нос, тем больше его мужское достоинство. Рассуждение старухи тогда очень насмешило её. «Может быть, поэтому Алексей до сих пор не женат», – невольно подумала она.

Один раз она ужинала в доме Алексея, её поразила властная мать, жидкая, тёмная похлебка с грибами, которую молча, как по команде ели за столом. Полина расспрашивала Аню о родственниках, учёбе в педучилище. А после высокомерно глядя на библиотекаршу сказала, что хотела бы для Алексея невесту из местных девушек.

Алексей отвёл глаза и промолчал. Больше они не встречались.

В этот день, Аня пришла в библиотеку за полчаса до её открытия. Она просто спешила уйти из дома бабки Елизаветы, житьё на квартире у старухи становилось невозможным. Баба постоянно заводила разговоры о повышении квартплаты, у Ани стали исчезать её продукты, мелкие деньги. Ранний час библиотеки был пустым и душным от печного отопления. Она с оторопью увидела, как к её столу подошёл мужчина в сером мешковатом костюме и заснеженных домашних тапочках. Лицо у мужчины было землистого цвета с тонкими синими губами.

– Я вам, наконец, книгу принёс, три года назад брал почитать Островского, да и забыл о ней. Вчера случайно в серванте нашёл.

– Вы у меня ничего не брали, – пролепетала Аня странному абоненту. – Вам не холодно из дома было в костюме идти?

Мужчина ничего не ответил, медленно повернулся и вышел на улицу, унося с собой потрёпанную книгу. Аня только обратила внимание на его неестественно прямую спину со следами больших чёрных ниток и мокрой земли на костюме, необычную шаркающую походку. Буквально через минуту

раздался телефонный звонок. Районный начальник перешёл к делу без ненужных вступлений:

– Как вы посмели покойников в библиотеку записывать? – услышала она истеричный голос в трубке, – как до такой мерзости додумались? Вас впору под суд отдать!

– А что мне делать, – севшим голосом пролепетала библиотекарша, – Вы читателей требуете, а их нет...

– Приезжайте в район, пишите заявление об уходе, я как-нибудь утрясу скандал. Один из бывших жителей села увидел в ваших отчётах своего давно умершего родственника и ещё нескольких сельских покойников.

Собралась Аня быстро, с бабкой Елизаветой даже не попрощалась и уже через час была на автобусной остановке. Удивительно, на душе было почему-то не горько, а радостно и впереди озорно светило яркое февральское солнце, обещающая новую жизнь.

*г. Липецк*